

МОСКОВСКИЙ КАНОН АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: MOSCOW, MOSCOVIA, MUSCOVITE*

Светлана Королева

Нижегородский государственный лингвистический университет,
Нижний Новгород, Россия

MOSCOW, MOSCOVIA, MUSCOVITE: THE MOSCOW CANON OF ENGLISH LITERATURE

Svetlana Koroleva

Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

This paper focuses on the formation and modifications of the “Moscow canon” in English literature. The author refers to some 16th-century travelogues and English literary texts from different epochs. The work aims to provide a systematic description of how motifs and images that constitute the “Moscow canon” of English literature was formed and modified. The author reveals the main connotations present in the notes of English travellers which they took while travelling around Russia in the sixteenth century. The name “Moscovia” was used as a synonym for “Russia” and had peculiar connotations in travelogues connected with the historical context of its appearance in English culture. The connotations used by English travellers in their notes for the words “Moscow”, “Moscovia”, and “Muscovite” had a considerable influence on the image of Russia in English literature both in the seventeenth century and until the present day. It is argued that the “Moscow canon” (as a literary phenomenon, apart from inter-genre travel books) started in Elizabethan literature with a fragmentary use of images borrowed from travels around Moscovia as striking phenomena of a different, non-English part of the world. It is demonstrated how in the English literature of the Enlightenment, the motifs connected with the image of Moscovia are perfected in their form and function and, at the same time, re-evaluated. Starting with the early nineteenth

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310.

** Citation: Koroleva, S. (2020). Moscow, Moscovia, Muscovite: *The Moscow Canon of English Literature*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1549–1564. DOI 10.15826/qr.2020.5.544.
Цитирование: Koroleva S. Moscow, Moscovia, Muscovite: *The Moscow Canon of English Literature* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1549–1564. DOI 10.15826/qr.2020.5.544 / Королева С. Московский канон английской литературы: Moscow, Moscovia, Muscovite // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1549–1564. DOI 10.15826/qr.2020.5.544.

century, the “Moscow canon” was more and more often used in plots focusing on the opposition between British and Russian characters, or a British character plunging into the Russian world. The corresponding images and motifs acquire a deeper and more complicated interpretation in literary works: through them, English writers and poets search for the keys to understanding both Russia and the fundamental problems of modernity. In different historical periods and in the framework of different aesthetic systems, authors chose different “Moscow” motifs and interpreted them in diverse ways. Each time, entering a new created world, these motifs were adapted to certain functions and ideas.

Keywords: Moscow canon, Moscovia, English literature, image of Russia, travelogues, functions of motifs in fiction.

Рассматриваются пути формирования и способы модификации «московского канона» в английской литературе. Материалом исследования является корпус текстов путешествий второй половины XVI в. и художественных произведений разных эпох. Цель исследования – системное описание формирования и модификаций комплекса мотивов и образов, вошедших в «московский канон» английской литературы. Устанавливается основной комплекс коннотаций, возникающих в записках английских путешественников о России во второй половине XVI в. Название «Московия» в этих текстах впервые в рамках английской книжной культуры использовалось в качестве синонима названия «Россия» и имело в записках особые коннотации, связанные с историческим контекстом его вхождения в английскую культуру. Ряд коннотаций, закрепленный в записках английских путешественников за именами «Москва», «Московия», «московит», оказывал существенное влияние на образы России, возникающие в английской литературе как XVII в., так и последующих эпох, вплоть до наших дней. «Московский канон» собственно в литературе (а не в межжанровом пограничье путешествий) начинает складываться в литературе Елизаветинской эпохи из фрагментарных обыгрываний образов, заимствованных из записок английских путешественников о Московии, как поразительных явлений иной, неанглийской части мироздания. В эпоху Просвещения комплекс мотивов, связанных с образом Московии, получает окончательное оформление и переосмысление. С начала XIX в. «московский канон» все чаще проявляется в сюжетах, связанных либо со столкновением британских и русских героев, либо с погружением британского героя в русский мир. Соответствующие образы и мотивы начинают разрабатываться в идейно-философском плане: писатели и поэты находят в них ключи к изображению не только русского мира, но и глубоких проблем современности. В разные исторические эпохи, в разных эстетических направлениях и у разных авторов на первый план выходят один-два мотива, связанных с «московским каноном». Органично входя в художественный мир произведения, они интерпретируются, приспосабливаясь к определенным функциям.

Ключевые слова: «московский канон», Московия, английская литература, образ России, записки путешественников, функция мотива в художественном тексте.

В середине XVI в. английские купцы и путешественники открыли прямой морской путь в Русское государство. В их записках так же, как в последовавших за ними книгах английских дипломатов и послов, Россия получила два основных наименования: традиционное *Russia*, отсылающее не только к русскому самоназванию, но и к тому, как называли древнерусское государство в английских хрониках и энциклопедических трудах XII–XIV вв. – *Russie*, *Ruissie*, *Rusia*, *Russia*, *Ruthenia*, *Ruthia*, *Ruthena*¹, а также новое *Moscovia*/*Muscovy*, связанное с русскими названиями «Москва», «княжество Московское» и «Московское государство». Вопросы лингвистического характера, которые возникают в связи с этим, касаются: а) происхождения слова *Moscovia* в английском языке; б) его основного значения и частотности его использования в текстах второй половины XVI в.; в) лексического фона и коннотативных значений, которое это слово, его варианты и дериваты приобретают в текстах.

Этимологический словарь английского языка и фонетический и буквенный облик слова *Moscovia* указывают на то, что слово восходит к новолатинскому названию *Moscovia* [*Muscovite*]. Остается неясным, из какого именно источника, написанного на латыни новолатинского периода (следовательно, не ранее 1500 г.), заимствовано английское слово и почему следует возводить английское наименование к латинскому, а не итальянскому названию?

По данным словаря *Merriam-Webster*, в качестве точки отсчета в использовании слова в английских текстах указан 1535 г. Эта дата исключает из перечня возможных источников знаменитые записки о Московии австрийского посла при русском дворе Зигмунда фон Герберштейна (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, первая публикация в 1549 г.) и дает основание предположить, что источником возникновения слова в английском языке могла послужить книга итальянского ученого-гуманиста епископа Павла Иовия (Паоло Джовио) «Посольство от Василия Иоанновича, Великого князя Московского, к папе Клименту VII» (*De legatione Basilii Magni Principis Moschouiae ad Clementem VII*). Написанная в 1525 г. и изданная в Базеле в 1527 г., она быстро обрела статус авторитетного описания России [см.: Graham, p. 142].

Однако если предположить, что английское *Moscovia* восходит не к латинскому, а к итальянскому *Moscovia*, то мы вполне можем признать книгу другого итальянца, венецианского купца и дипломата Амброджо Контарини, о его путешествии в Персию (*Questo e el Viazo di misier Ambrosio Contarini... al signer Uxuncassam, re de Persia*), впервые изданную в 1487 г. в Венеции, возможным источником английского наименования. За эту версию выступает буквенный облик английского

¹ В «Истории англо» Жеффрея Гаймара находим *Russie*, в «Житии и чудесах святого Фомы» Уильяма Кентерберийского – *Rusia*, в «Императорских досугах» Гервазия Тильберийского – *Russia* и *Ruthenia*, в «О свойствах вещей» Бартоломея Английского – *Ruthia* и *Ruthena*, в «Великой хронике» Матфея Парижского – *Ruscia* [Матузова, с. 38, 41, 65, 77, 114, 129].

слова *Moscovia*, полностью совпадающий с итальянским (венетским). Против нее – то, что в тексте Контарини это наименование закреплено только за главным городом Московского княжества, само же княжество неизменно обозначается словом *Rossia* [Скржинская], тогда как у Павла Иовия слова *Moschouia* и *Moschouitas* используются в значении «Московское княжество» и «московиты» соответственно [Giovio].

Эти наблюдения и умозаключения приводят нас к однозначному утверждению: слово *Moscovia* появилось в английском языке примерно двумя десятилетиями ранее публикации первых записок английских путешественников о России под непосредственным влиянием европейских, предположительно итальянских источников. Его использование английскими путешественниками в значении «Московское княжество» опиралось на уже укоренившуюся при папском дворе (равно как в Великом княжестве Литовском и Короне Польской) традицию обозначать новое восточноевропейское государство словом *Moscovia* [Комментарий, с. 279]. При своем вхождении в английский язык оно начало конкурировать и отчасти оттеснять позиции слов *Russie*, *Rusia* (и т. п.), использовавшихся в английском языке по крайней мере с XII в.

В отношении значения и частотности использования слова *Moscovia* в текстах этого периода показательны названия писем и записок путешественников, документов, включенных в состав знаменитого сборника Ричарда Хаклюта «Основные навигации, путешествия, передвижения и открытия английской нации» (*Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, 1589–1600*; впервые издан в 1589 г.). В его содержании, в частности, указаны «Книга о великом и могущественном императоре России и князе Московии» (*The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscovia*) Р. Ченслора; копии писем «князя Московии и императора России» английскому королю Эдуарду; рассказ о первом путешествии Э. Дженкинсона «из города Лондона в землю России» (*The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia...*) и его же воспоминания о путешествии «из Лондона в Московию» (*A very briefe remembrance of a voyage made by M. Anthony Ienkinson, from London in Moscouia...*). И если три первых (из вышеперечисленных) названия с возможной точностью воспроизводят титул Ивана Грозного – «великий князь московский и всея Руси», – то в последнем, так же как и в названиях некоторых других текстов этого сборника, наблюдается замещение-синекдоха: именование «Московия» используется в значении всего Русского государства.

Фактически название центральной части территорий Русского государства (в том виде, в котором оно сложилось во время царствования Ивана Грозного) в некоторых описаниях английских (как и других европейских) путешественников с середины XVI в., а в дальнейшем и в самых разных литературных и публицистических текстах стало использоваться как синоним названия всего государства. Это, однако, был весьма своеобразный синоним: слово *Moscovia* (а также его вари-

ант *Muscovy* и его производное *Muscovite*) имело особые коннотации, связанные с историко-культурным контекстом его вхождения в английскую культуру, а именно со стремлением англичан к покорению пространств и ресурсов в эпоху Великих географических открытий и с резким переходом к протестантскому мироощущению [Королева, с. 92–98]. Понятие *Moscovia* (и здесь мы отвечаем на третий вопрос лингвистического характера) не просто означало территорию государства, страны или его (ее) части, но оказалось обременено особым рода коннотативными значениями и фоновыми знаниями. В их основу легли ассоциации с выделенным своей стихийностью и грандиозностью природным миром – миром огромных пространств и больших природных явлений, снегов и холода, богатых природных ресурсов – зерна, пушнины, рыбы, пеньки, меда, воска. Другой важной опорой этих коннотаций стал ряд ассоциаций с особым человеческим миром – миром туземно-варварским, неокультурным и неупорядоченным, псевдохристианским и даже имморальным. Ряд ассоциаций, впервые появившихся в английских образах России именно в эту эпоху, закрепился в памяти английского мифа о России навсегда и навсегда оказался связан с названием *Moscovia*.

Самый ранний образец записок английских путешественников XVI в. о России, «Книга о великом и могущественном императоре России и князе Московии...» (*The Booke of the Great and Mighty Emperor of Russia*, 1553) Ричарда Ченслора, начинается с описания ресурсов:

Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. <...> У них много масла... В северной части страны находятся места, где водится пушнина – соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени... растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда [Ченслор, Адамс, с. 56].

В варианте этого путешествия, изложенном К. Адамсом, описания природных богатств сопровождаются гиперболизацией явлений русской природы: на Русском Севере, куда первоначально попал капитан Ченслор, «совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем» [Там же, с. 53]; мороз в северных и центральных частях России «ужасен» и «достигает крайних размеров» (*great is the sharpnesse of that colde climate*), и только в южных районах он несколько мягче (*but as for the South parts of the Countrey, they are somewhat more temperate*) [Hakluyt, p. 63].

Человеческий мир, кроме численности, очерчен резкими и однозначно «туземными» характеристиками – русские рыбаки, которые были первыми, кого увидел Ченслор на русской земле, названы им «варварами» (*barbarous Russes, barbarians*) [Ibid., p. 60]. Основными в описаниях «туземного» (или варварского) мира становятся темы деспотии власти, отсутствия порядка в различных внешних формах

социальной жизни, физической выносливости и интеллектуальной, эстетической, моральной неразвитости народа.

Неограниченная власть великого князя влечет за собой бесправие всех и вся, что для англичанина, конечно, является нарушением социально-политического устройства и порядка. Этого не хватает в планировке города (о Москве (*Mosco*) в «Книге» Ченслора говорится как о «большом» (*great*), «грубом» (*rude*) и беспорядочно построенном (*standeth without all order*) городе [Ченслор, Адамс, р. 41]), в быту (подаче блюд), в ведении военных действий (*They are men without al order in the field* [Ibid., р. 43]). Выносливый русский человек может спать на снегу и питаться одним овсяным киселем [Ibid.]. Об этической неразвитости русского «туземца» свидетельствует его склонность к «суевериям» (*superstitions*), «идолопоклонству» (*idolatry*), «пьянству» (*drunkenness*) и «разврату» (*whoredome*) [Ibid., р. 49–51]. Особую роль играет обличение лживой религиозности русских, сопровождаемое абсолютизацией выявленного порока:

Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слышано. <...> К своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали [Ченслор, Адамс, с. 65].

Похожие мотивы в изображении «Московии» прослеживаются и в других английских «путешествиях». В самой масштабной по объему и охвату материала книге Джайлса Флетчера «О государстве русском» (*Of the Russe Commonwealth*, 1591), значительно повлиявшей на дальнейшее развитие английских представлений о России, также подробно описываются природные богатства России: обилие рек, озер, лесов, изобилие птиц, зверей, рыбы; произрастание зерновых, торговля пчелиным воском, медом, пушниной и пр. (гл. 1–3) [Cross, 2012, р. 3]. Но в основном Флетчер сосредоточивается на грубом правлении, бесправии народа, его склонностях к пороку и безграмотности служителей церкви в «Московии» – именно так, по его наблюдению, обыкновенно называют Россию. Полное название книги отражает именно это наблюдение: *Of the Rvsse Common Wealth. OR Manner of Gouvernement by the Russe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskovia) with the manners and fashions of the people of that Countrey* [Fletcher, р. 1]². Примечательно, что в самом тексте книги название *Moskovia* не встречается: Флетчер предпочитает устоявшиеся еще в XIII–XIV вв. в Англии названия *Russia* и *Russe*.

Изложение описаний государственного и административного устройства пронизано эпитетами «варварский» (*barbarous*), «турецкий» (*Turkish fashion*), «рабский» (*slaverie*), «тиранический» (*tyrannical*,

² В переводе на русский, опубликованном в 1867 г., название книги значителся следующим образом: «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским)» [Флетчер, с. 1].

tyrannous, oppression) [Fletcher, p. 26, 44, 45, 54]. Религии присваивается характеристика «ложная» (*false religion*), она оценочно трактуется как «проклятая ересь» (*damnable heresie*) [Ibid., p. 28, p. 126]. Порабощенность рождает в народе имморализм поведения. Русский народ в целом обрисован «вялым», «недеятельным» (*enweldy, inactive* [Ibid., p. 146]), склонным к пьянству и всевозможным порокам:

...нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране – жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами [Флетчер, с. 128].

Ассоциации образа Москвы-Московии, а через него и всей России с миром грубым, варварским, псевдохристианским, деспотическим, лживым, диким, богатым ресурсами и ужасающе холодным оказываются востребованными в английской литературе на протяжении веков. Не всегда, разумеется, воспроизводится весь комплекс этих мотивов; в разные исторические эпохи, в разных эстетических направлениях, у разных авторов, как правило, на первый план выходит та или иная их часть. Более того, мотивы могут моделироваться, видоизменяться. Но и в XVII, и в XVIII, и в XIX в., и вплоть до наших дней английские писатели и поэты, говоря о Москве, в той или иной степени подразумевают ту Московию, которая была когда-то «открыта» английскими путешественниками. В связи с этим можно говорить о своеобразном «московском каноне» английской литературы.

Под «московским каноном» здесь понимается воспроизведение и использование в английской художественной литературе в том или ином виде, в той или иной функции комплекса мотивов, который сформировался вокруг слов «Московия» и «московит» (*Moscovia, Muscovy, muscovite*) в записках английских путешественников во второй половине XVI в. Этим каноном, естественно, не исчерпываются ни образ России в английской литературе в целом, ни те многосторонние русские образы, которые возникают в различных произведениях английской художественной литературы по крайней мере с XVIII в. Более того, им не исчерпываются и образы самой Москвы, созданные в английских художественных произведениях в XVIII – начале XXI в. Однако этот канон становится существенным фактом и английского коллективного сознания, и английской литературы в том, что касается восприятия и изображения русского мира. В этом общем утверждении настоящее исследование в целом следует положениям, четко выраженным и доказанным в работах Н. П. Михальской и Л. Ф. Хабибуллиной, о существенном воздействии записок английских путешественников XVI в. на образ России в английской культуре [Михальская, с. 7–44; Хабибуллина, с. 17–44].

В нашем исследовании предлагается новый взгляд на сущность воздействия. Во-первых, в нем учитывается лингвистический аспект, а именно связь системы мотивов с именами «Москва», «Московия»,

«московит», и, во-вторых, принимаются во внимание особенности художественного творчества и исторического развития английской литературы. Отталкиваясь от собственно имагологического взгляда на литературные явления, мы вслед за В. П. Трыковым [Трыков] предлагаем имагопоэтический подход к анализу художественных текстов и обращаемся к канону как к направлению осмысления.

Писатели не единообразно воспроизводят в своем художественном творчестве систему «московских» мотивов, но используют их, зачастую деконструируя и пересоздавая и саму структуру мотивов, и связи между ними в той смысловой и эстетической функции, которая становится единственно необходимой в пространстве художественного произведения. Его художественный мир и особенности его формы прочно связаны с историческими процессами – как собственно литературными, так и социально-политическими. В связи с этим сущностным представляется не только определение исторических этапов формирования и модификации комплекса мотивов, закрепленных в «московском каноне» английской литературы, но и выявление специфики их содержательного наполнения и функционирования в художественных текстах разных эстетических направлений и систем.

* * *

Мотивы холода, варварства, бесправия и деспотии неизменно сопровождают краткие упоминания о «москвитанах» в лирике и драматургии Елизаветинский эпохи. «Московский канон» собственно в литературе (а не в межжанровом пограничье путешествий) начинает складываться во фрагментарном обыгрывании образов, заимствованных из записок английских путешественников о Московии, как поразительных и даже ужасающих явлений иной, неанглийской части мироздания.

Во втором сонете Филипа Сидни из цикла «Астрофил и Стелла» (ок. 1580) поэт, описывая состояние страстной влюбленности, сравнивает его с рабством «москвитана»: *like slave-born Muscovite* [Sidney, p. 3]. В комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви» (*Love's Labour's Lost*, впервые издана в 1598 г.) Фердинанд Наваррский и его придворные одеваются, «как москвиты или русские» (*like Muscovites or Russians* [Shakespeare, p. 212]), что рождает в сознании французской принцессы ассоциацию с дикарями (*savages*) и холодом (*my frozen Muscovites* [Ibid., p. 212–213]).

Ужасать призваны эпизодические образы огромных диких русских медведей не только у Шекспира в его исторической хронике «Генрих V» и трагедии «Макбет», но и в комедиях Б. Добриджкурта «Ганс Пивная Кружка» (*Hans Beer Pot, his Invisible Comedy of See me and See me not*, ок. 1618) и Т. Мултона и Т. Деккера «Рычащая девушка» (*The Roaring Girl*, 1607–1610). В трагедии У. Девенанта «Жестокий брат» (*The Cruel Brother*, ок. 1627) приводятся поразительные сведения о том, что люди в России промерзают до такой степени, что плюют снегом [Алексеев, с. 44]. Русские образы возникают в литературе Елизаветинской

эпохи как экзотические элементы принципиально чужого пространства за пределами познанного и окультуренного англичанами мира. Их характеризует общая эстетическая функция резкого контраста, будь то противопоставление или гиперболическое сопоставление.

Эпоха Просвещения привнесла в оформление «московского канона» английской литературы свои акценты. Они были обусловлены не только видоизменением мотива варварства в связи с противопоставлением просвещенной Англии (вместе со всей Западной Европой) непросвещенной, деспотичной и безграмотной России, но и с симпатиями, которые закрепились за личностью Петра I. Основной функцией образов, связанных с этим каноном, становится иллюстрация (или демонстрация): они призваны показать как то, что значит «тьма неведения», так и то, что с ней необходимо бороться (поэма А. Хилла «Северная звезда»; русский эпизод в поэме Дж. Томсона «Времена года» и др.).

Образ «Москвы-Московии» проецируется на образ Российской империи времен Петра I и в романе Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» (*The Farther Adventures of Robinson Crusoe*, 1719). В описаниях петровской России немаловажное место занимают упоминания о «московских владениях» и городах, принадлежащих «московскому царю», о «набожных» (*devout*) «москвитях», которые «едва ли заслуживают названия христиан», о долгой (восьмимесячной!) суровой зиме и огромных пустынных пространствах [Defoe, p. 302, 304, 305].

Обращает на себя внимание отсутствие мотива рабства-деспотии, с одной стороны, и акцентирование внимания на уникальных товарах, которые можно привезти из России, – соболях, чернобурых лисицах и других дорогих мехах. Собственно, «владения» «московского царя» поражают героя-англичанина не только своей обширностью и богатством, но и своей устроенностью: русские впервые под влиянием общеевропейской положительной оценки «просвещенной» личности Петра I [Дмитриев; Cross, 2001] в английской литературе предстают народом окультуривающим, цивилизующим племена Сибири. Именно с этим следует связывать отсутствие в тексте таких характерных семантических комплексов «московского канона», как «деспотия – рабство» и «варварство – дикость». На активизацию нового цивилизующего мотива в образе Московии-России работает неоднократно озвученное противопоставление «московского царя» (построившего везде, где только было возможно, города и селения) диким татарам-«язычникам».

В романе Д. Дефо канон получает окончательное оформление и в то же время переосмысление. Его черты предстают не в образе экзотического и незнаемого мира, но как специфические качества русского мира, стоящего в ряду изображений дальних стран и островов, не входящих в просвещенное пространство (Бразилия, Мадагаскар, Китай). Это объясняется и тем, что едва ли не впервые английский литературный герой сам свидетельствует о личном опыте путешествия по России.

В дальнейшем развитии английской литературы «московский канон» все чаще появляется в сюжетах столкновения британских (или западноевропейских) и русских героев либо погружения британского героя в русский мир. Его образы и мотивы начинают разрабатываться в идейно-философском плане: писатели и поэты зачастую находят в них ключи к изображению не только русского мира, но и общих, глубинных проблем современности.

Первую глубокую многоаспектную разработку «московский канон» английской литературы получает в поэзии эпохи романтизма, в первую очередь в творчестве Байрона. В контексте столкновения военно-политических интересов Британии и России за образами последней в британской культуре закрепляются новые ассоциации: «политический враг», «военная мощь», «агрессия» [Королева, с. 114–115]. Смысловым фундаментом для новых ассоциаций становятся мотивы деспотии царского режима и рабства русского народа, закрепленные за образами «Московии».

В «русских главах» поэмы «Дон Жуан» (*Don Juan*, 1816–1824) основным мотивом наравне с признанием политической «деспотии – рабства» в характеристике России и русских становится варварство, скрываемое под видимостью цивилизации, причем усиленное и доведенное деспотией до звериной жестокости³. «Московитов»-варваров (*Moscovite*) под маской «новой и утонченной нации» (*new and polished nation*) Байрон видит в русских дворянах и казаках [The Works Of Lord Byron, vol. 6, p. 306]. В седьмой главе поэмы это разоблачение происходит на сюжетном и образном уровнях. Русские солдаты и офицеры во главе с «героем, буффоном, полудемоном и полудурком» Суворовым (*hero, buffoon, half-demon, and half-dirt* [Ibid., p. 320]) не просто захватывают Измаил, но постоянно проявляют по отношению и к противнику, и к мирному населению бесчеловечную жестокость; ключевая характеристика их поведения – «жестокость и кровожадность» (*grim and gory*) [Ibid., p. 323]. Изобличение «игры в цивилизованность» происходит здесь и на произносительно-фонетическом и орфографическом уровнях: чего только стоят *Tschitsshakoff* и *Chrematoff*, над которыми иронизирует автор-рассказчик [Ibid., p. 305]. В восьмой главе, описывая преследующих турецкую девочку казаков, он иронически именует их «воцивилизованными медведями» (*the bear is civilized*), наученными деспотами-царями «разрушать» (*to destroy*) [Ibid., p. 351, 358]. В то же время внешняя и внутренняя политика Российской империи предстает эпизодом в ряду подобных, поэтому агрессия екатерининской политики оказывается одним из «сладких плодов» (*sweet consequence*) цивилизации и человеческого общества [Ibid., p. 351]. Это расширение смысла осуществляется в авторских отступлениях восьмой главы, подводящих сюжет к проблемам современной Англии.

³ Об источниках «русских эпизодов» в «Дон Жуане» см.: [Cochran].

В 70–90-е гг. XIX в. в политической поэзии А. Ч. Суинберна *Muscovite* также увязывается с мотивом деспотии, которая приписывается исключительно образу русского царя. Выстраивание оппозиции «русский народ – российское государство (царь)» в творчестве поэта возникает в согласии с общими изменениями британского общественного мнения в отношении России и русских на рубеже XIX–XX вв. «Распространение понимания того, что российское правительство и российский народ – это два очень далеких друг от друга явления» [Stepniak, p. VIII]⁴, стало одним из важнейших результатов деятельности русских политических эмигрантов в Англии.

В стихотворении 1877 г., посвященном венгерскому революционеру, идеологу национальной венгерской независимости Л. Кошуту, поэт приветствует героя, посмевшего поднять свой голос против «московита» (русского царя с его репрессивно-захватнической политикой), и тех, кто склоняют перед ним голову [Swinburne, 1917]. Это же прочтение *Muscovite* получает в более поздней оде Суинберна «Россия» (*Russia*, 1890). В ней русский царь предстает страшным демоном, и его существование объявляется резко противоречащим закону Божескому и человеческому. Даже Данте в аду не встречал «злодеев, подобных Московиту» (*whose fiends could match the Muscovite*), – правителю России, царю (*prove thee regent, Russia – praise thy mercy, Tsar*) [Swinburne, 1911].

В XX в. «московский канон» продолжает участвовать в создании той идейно-эстетической ткани, из которой рождаются английские литературные образы России. При этом, однако, и ткань становится многоцветней, и сам канон модифицируется. Роман Г. Уэллса «Джоанна и Питер» (*Joan and Peter. The Story of an Education*, 1919) написан под впечатлением от путешествия по Европе и России в 1914 г., а также под влиянием М. Бэринга. Мода на русское, увлеченность русским искусством, очарованность русским характером, столь характерные для британской – и, шире, европейской – культуры 1900–1920-х гг. [Klimova], оставляют заметный след в литературных образах этого романа.

Образ России – Москвы, Петербурга, подмосковных деревень – складывается в романе Уэллса из самых разнородных элементов – из пестрых магазинов и золотых крестов Москвы, из величественных стен Кремля и «варварской карикатуры» (*barbaric caricature*) собора Василия Блаженного, из «разукрашенного» великолепия (*painted magnificence*) Троице-Сергиевой лавры и благородной красоты Исаакиевского собора, из долгой езды в санях по замерзшей реке и бескрайних деревенских полей, из бесчисленных бородатых священников и людей, поголовно одетых в меха «и посему выглядящих абсурдно богатыми» (*so looking absurdly wealthy*) [Wells, p. 380]. В целом это образ одновременно «нечистый» и «значительный» (*untidy, the dingier, vaster effects of Russia*),

⁴ Здесь и далее в случаях, если не указан иной источник, перевод с английского мой. – С. К.

величественный и странный, разнородный и богатый, «живописный» (*picturesqueness*) и неоднозначный [Wells, p. 380].

Особая роль в этом образе принадлежит элементам, связанным с «московским каноном» английской литературы. В первую очередь это мотив деспотии царского режима. Показательны в этом смысле впечатления Освальда, главного героя романа, от огромного портрета царя – портрета, изображающего милитаристски настроенного «автократ» (*autocrat*) с «неумным лицом» (*unintelligent visage*), как бы попирающего ногами головы членов собрания. Возмущенный Освальд видит в этом портрете проявление «отвратительной системы репрессивного аппарата» (*very corrupt system of repression*), от которого Россия, по мнению героя, должна избавиться, чтобы смело шагнуть в будущее [Ibid., p. 388].

Воздействие «московского канона» на образ России в романе находим и в архитектурном облике Москвы, в котором не раз подчеркивается «неряшливость» (*untidy, sprawling, slushy*) [Ibid., p. 389], и в описаниях зимней стужи: все действие романа происходит зимой, и рассказчик многократно упоминает мороз (*the frozen Neva, the frozen fen*), снег (*the crisp snow, a background of white snow, snowy spaces*) и лед (*the ice of a frozen river*) [Ibid., p. 380–382, 384, 388]. Эти впечатления он обобщает в характеристике, также имеющей отношение к канону: «дикий зимний пейзаж» (*the wild wintry landscape*) [Ibid., p. 381].

Не случайно слово *Moscovites* фигурирует в характеристике зрителей в Московском художественном театре. Несмотря на то, что в целом рассказчик одобрительно и даже с некоторым восхищением отмечает их пылкость (*keen*), требовательность и восприимчивость (*intensely critical and appreciative*), в этом описании проскальзывает снисхождение [Ibid., p. 389]. Оно отчасти эксплицируется в удивлении, с которым рассказчик и герои отмечают, что русская зрительская аудитория похожа не на немецкую, а на британскую. Но основной его маркер – слово *Muscovites*, столь же неотделимое от ассоциаций с миром «варварским» и «диким», сколь и описания русской зимы. Мотивы «московского канона» в романе Уэллса работают на двойное противопоставление в образе России: прошлого, связанного с деспотией и всяческого рода угнетением, будущему, в котором рассказчик и герои надеются разгадать свободу личности и социальную справедливость; инертной дикости, некультурности народа – заряженным вдохновенной мыслью интеллектуалам.

В английской литературе второй половины XX – начала XXI в. мотив деспотии политического режима увязывается с форматом сталинской репрессивной власти и вседозволенностью власть имущих. Отпечаток «московского канона» обнаруживается в романах И. Флеминга «Из России с любовью» (*From Russia with Love*, 1957) и Э. Миллера «Подснежники» (*Snowdrops*, 2011), где находим обобщения, относящиеся ко всей русской истории. Для английского читателя это означает историю со времен «открытия» России-Московии. У Флеминга один из протагонистов (Джеймс Бонд) утверждает, что

русские «мазохисты. Они любят кнут. Именно поэтому они любили власть Сталина» [Fleming, p. 240].

У Миллера не менее категорично звучит высказывание героя относительно того, что все «русские лидеры» являются «массовыми убийцами» (*a mass murderer, like all Russian leaders*) [Miller, p. 135]. И хотя в самом высказывании ничто не указывает на Москву, «подсказку» можно найти в другом эпизоде: когда Маша – главный женский персонаж романа – ведет Ника в Третьяковскую галерею, тот обращает внимание только на картины святых и на изображения завоеваний и разорения. Последние невольно связываются в его сознании с именем Ивана Грозного [Ibid., p. 211]. С «московским каноном» в романе Миллера соотносятся мотивы холода, дикости и беспутства. Особенно ясно выделен в его структуре мотив зимнего холода, непереносимого мороза и снега. Герой с огромным удивлением отмечает: «Я знал теперь, что это правда: страшный холод, ледяной воздух до самого апреля» [Ibid., p. 43], – а ниже обобщает: «снег является частью того, что делает их [русских] ими и никем другим» [Ibid., p. 77]. Снег и холод становятся базовыми образами в московском хронотопе романа. Москва, да и вся Россия только на поверхности – пространство неона и шансона. Во вневременном существовании это мир снега и мороза, доминирующих над человеком.

Глубинно связанными с властью природной стихии оказываются особые черты русского характера: первобытная дикость, иррациональность в поведении, некая туземная цельность. О главной героине Маше сказано, что в ней, в отличие от англичан, есть некая «первичная земная энергия» (*She had a kind of basic earthy energy*) [Ibid., p. 46], а о русских – что, несмотря на всю свою тягу к «насилию», «поглощенность земными заботами и страдания», они «просто дети» [Ibid., p. 127]. «Московский канон» не полностью окрашивает собой образы русских, хотя мотив общей порочности, извращенной греховности русских людей, столь характерный для него, озвучивается с завидным постоянством: Москва здесь – город «неоновой похоти и исступленного греха» (*city of neon lust and frenetic sin*) [Ibid., p. 224]. Однако в целом Россия в романе очерчивается противоречиво и даже полярно, как в афористическом высказывании его героя:

Это странная страна, Россия, с ее талантливыми грешниками и неожиданно являющимися святыми – теми истинно святыми, произвести на свет которых может только пространство, отмеченное изощренной жестокостью [Ibid., p. 98].

Изображение в романе Миллера современного российского хронотопа со своеобразным акцентом на «московском каноне» дает, как видим, перспективу вневременного «русского». Это перспектива мира не просто дикого, деспотичного, порочного, но мира, разорванного крайностями, и в силу этого аномального.

В британской культуре фундаментом и источником при создании образов русского мира стала система особых коннотаций, закреплённых за именами «Москва», «Московия» и «московит» в записках английских путешественников (дипломатов, купцов) второй половины XVI в., сохраняющаяся до настоящего времени в разных модификациях и функциях, воплощающих «московский канон» английской литературы.

Список литературы

Алексеев М. П. Первые литературные встречи // Литературное наследство. Т. 91. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М. : Наука, 1982. С. 17–109.

Дмитриев Е. Е. Петр I в восприятии британцев конца XVII – первой половины XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов : [Б. и.], 2005. 224 с.

Комментарий // Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 2. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. С. 279–479.

Королева С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М. : Direct Media, 2014. 314 с.

Матузова В. И. Английские средневековые источники (IX–XIII вв.) : тексты, пер., коммент. М. : Наука, 1979. 267 с.

Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М. : МПГУ, 1995. 152 с.

Скржинская Е. Ч. Комментарий к тексту и переводу Контарини // Барбаро и Контарини о России : К истории итало-русских связей в XV веке. Л. : Наука, 1971. С. 235–247.

Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120–129.

Флетчер Дж. О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским). 3-е изд. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. XXII, 138 с.

Хабидулина Л. Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань : Казан. ун-т, 2010. 206 с.

Ченслор Р., Адамс К. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 47–66.

Cochran P. Byron, *Don Juan*, and Russia // *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge : Open Book Publ., 2012. P. 37–52.

Cross A. Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. 208 p.

Cross A. By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture // *A People Passing Ruse: British Responses to Russian Culture*. Cambridge : Open Book Publ., 2012. P. 1–36.

Defoe D. The Farther Adventures of Robinson Crusoe: Being the Second and Last Part of His Life, and Strange Surprizing Accounts of His Travels Round Three Parts of the Globe: To Which is Added a Map of the World, in Which is Delineated the Voyages of Robinson Crusoe. L. : W. Taylor, 1722. 380 p.

Fleming I. From Russia with Love. L. : Vintage Books, 2012. 356 p.

Fletcher G. Of the Russe Common Wealth : Or, Maner of Governement by the Russe Emperour, (commonly Called the Emperour of Moskovia) with the Manners and Fashions of the People of that Countrey // *Russia at the Close of the Sixteenth Century*. L. : Printed for The Hakluyt Society, 1856. P. 1–152.

Giovio P. Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII. Basileae : [Johann Herwagen & Hieronymus Froben], [1527]. 40 [p.].

Graham H. F. Notes // Possevino A. The Moscovia of Antonio Possevino. Pittsburg : Univ. Centre of Intern. Studies, 1977. P. 140–171.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation : in 6 vols. Edinburgh : E. & G. Goldsmid, 1886. Vol. 4. North-Eastern Europe and Adjacent Countries. 368 p.

Klimova S. “A Gaul Who Has Chosen Impeccable Russian as His Medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century // A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture (Collected Essays). Cambridge : Open Book Publ., 2012. P. 215–230.

Miller A. D. Snowdrops. L. : Atlantic Books, 2011. 273 p.

Muscovite // Merriam-Webster : Dictionary : [website]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/muscovite> (accessed: 17.02.2020).

Shakespeare W. Love's Labour's Lost // Shakespeare W. Complete Works. N. Y. : P. F. Collier, 1925. P. 191–221.

Sidney Ph., sir. Astrophel and Stella. L. : Vid Stott, 1888. 233 p.

Stepniak S. At the Dawn of a New Reign: A Study of Modern Russia. L. : Chatto and Windus, 1905. XII, 347 p.

Swinburne A. Ch. Russia // The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne : in 6 vols. L. : Chatto and Windus, 1911. Vol. 6. P. 366.

Swinburne A. Ch. To Louis Kossuth // The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne : in 6 vols. L. : William Heinemann, 1917. Vol. 3. P. 132.

The Works of Lord Byron : in 7 vols. / ed. by E. H. Coleridge. L. ; N. Y. : John Murray : John Scribner's Sons, 1903–1904. Vol. 6. 612 p.

Wells H. G. Joan and Peter. The Story of an Education. N. Y. : Macmillan Comp., 1919. 596 p.

References

Alekseev, M. P. (1982). *Pervye literaturnye vstrechi [First Literary Meetings].* In Alekseev, M. P. *Literaturnoe nasledstvo. Vol. 91. Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka).* Moscow, Nauka, pp. 17–109.

Chancellor, R., Adams, C. (1937). *Kniga o velikom i mogushchestvennom tsare Rossii i knyaze Moskovskom [The Book of the Great and Mighty Tsar of Russia and Prince of Moscow].* In *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v. / transl. by Yu. V. Got'ye.* Moscow, Sotsekgiz, pp. 47–66.

Cochran, P. (2012). *Byron Don Juan, and Russia.* In *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Cambridge, Open Book Publ., pp. 37–52.

Coleridge, E. H. (Ed.). (1903–1904). *The Works of Lord Byron.* 7 Vols. L., N. Y., John Murray, John Scribner's Sons. Vol. 6. 612 p.

Cross, A. (2001). *Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 208 p.

Cross, A. (2012). *By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture.* In *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Cambridge, Open Book Publ., pp. 1–36.

Defoe, D. (1722). *The Farther Adventures of Robinson Crusoe: Being the Second and Last Part of His Life, and Strange Surprising Accounts of His Travels Round Three Parts of the Globe: To Which is Added a Map of the World, in Which is Delineated the Voyages of Robinson Crusoe.* L., W. Taylor. 380 p.

Dmitriev, E. E. (2005). *Petr I v vospriyatii britantsev kontsa XVII – pervoi poloviny XVIII v. [Peter I in British Perceptions in the Late 17th – First Half of the 18th Centuries].* Dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, S. n. 224 p.

Fleming, I. (2012). *From Russia with Love.* L., Vintage Books. 356 p.

Fletcher, G. (1856). Of the Russe Common Wealth : Or, Maner of Governement by the Russe Emperour, (Commonly Called the Emperour of Moskovia) with the Manners and Fashions of the People of that Country. In *Russia at the Close of the Sixteenth Century*. L., Printed for The Hakluyt Society, pp. 1–152.

Fletcher, G. (1906). *O gosudarstve russkom, ili Obraz pravleniya russkogo tsarya (obyknovenno nazyvaemogo tsarem moskovskim)* [Of Russian State, or The Manner of Rule of the Russian Tsar (Commonly Called Muscovite)]. 3rd Ed. St Petersburg, published by A. S. Suvorin. XXII, 138 p.

Giovio, P. (1527). *Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII*. Basileae, [Johann Herwagen & Hieronymus Froben]. 40 [p.].

Graham, H. F. (1977). Notes. In Possevino A. *The Moscovia of Antonio Possevino*. Pittsburg, Univ. Centre of Intern. Studies, pp. 140–171.

Hakluyt, R. (1886). *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. 6 Vols. Edinburgh, E. & G. Goldsmid. Vol. 4. North-Eastern Europe and Adjacent Countries. 368 p.

Khabibullina, L. F. (2010). *Mif Rossii v sovremennoi angliiskoi literature* [The Myth of Russia in Modern English Literature]. Kazan, Kazanskii universitet. 206 p.

Klimova, S. (2012). “A gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century. In *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture (Collected Essays)*. Cambridge, Open Book Publ., pp. 215–230.

Kommentarii [Commentary]. (2008). In Herberstein, S. *Zapiski o Moskovii v 2 t.* / ed. by A. L. Khoroshkevich. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 2. Stat'i, kommentarii, prilozheniya, ukazateli, karty, pp. 279–479.

Koroleva, S. B. (2014). *Mifo Rossii v britanskoi kul'ture i literature (do 1920-kh godov)* [The Myth of Russia in British Culture and Literature (until the 1920s)]. Moscow, Direct Media. 314 p.

Matuzova, V. I. (1979). *Angliiskie srednevekove istochniki (IX–XIII vv.): teksty, perevod, kommentarii* [English Medieval Sources (9th–13th Centuries): Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Nauka. 267 p.

Mikhlskaya, N. P. (1995). *Obraz Rossii v angliiskoi khudozhestvennoi literature IX–XIX vv.* [The Image of Russia in English Fiction of the 9th–19th Centuries]. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. 152 p.

Miller, A. D. (2011). *Snowdrops*. L., Atlantic Books. 273 p.

Muscovite. (N. d.). In *Merriam-Webster. Dictionary* [website]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/muscovite> (accessed: 17.02.2020).

Shakespeare, W. (1925). Love's Labour's Lost. In Shakespeare, W. *Complete Works*. N. Y., P. F. Collier, pp. 191–221.

Sidney Ph., Sir. (1888). *Astrophel and Stella*. L., Vid Stott. 233 p.

Skrzhinskaya, E. (1971). Kommentarii k tekstu i perevodu Kontarini [Commentaries to the Text by Contarini and the Translation]. In *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV veke*. Leningrad, Nauka, pp. 235–247.

Stepniak, S. (1905). *At the Dawn of a New Reign: A Study of Modern Russia*. L., Chatto and Windus. XII, 347 p.

Swinburne, A. Ch. (1911). Russia. In *The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne*. 6 Vols. L., Chatto and Windus. Vol. 6, p. 366.

Swinburne, A. Ch. (1917). To Louis Kossuth. In *The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne*. 6 Vols. L., William Heinemann. Vol. 3, p. 132.

Trykov, V. P. (2015). Imagologiya i imagopoetika [Imagology and Imagopoetics]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 3, pp. 120–129.

Wells, H. G. (1919). *Joan and Peter. The Story of an Education*. N. Y., Macmillan Comp. 596 p.